

Марина
СЕРОВА

Ложный герой

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Русский бестселлер

Марина Серова
Ложный герой

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Серова М. С.

Ложный герой / М. С. Серова — «Эксмо», 2016 — (Русский бестселлер)

Когда частного детектива Татьяну Иванову пригласила погостить к себе на дачу в Подмосковье ее недавняя клиентка, Татьяна не смогла отказаться. Но расслабиться не получилось, потому что сначала Иванова простудилась, а потом совершенно случайно стала свидетелем того, как на соседский участок проникает неизвестный. Ну а когда спустя пару дней в соседской бане обнаружили труп, стало ясно, что ни о каком нормальном отдыхе и мечтать не приходится...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Серова М. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Марина Серова

Ложный герой

© Серова М., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Глава 1

Ясным субботним утром шикарный «Киа Спортейдж» катил по Новорязанскому шоссе, обгоняя один за другим автомобили, следующие в том же направлении. Его глянцевая поверхность успела изрядно запылиться за время поездки, но новенький, только-только с конвейера, автомобиль нисколько от этого не пострадал. Наоборот, приобрел недостающую ему практическую значимость. Я полулежала на заднем сиденье, укрывшись тонким пледом и подсунув под голову подушку-думку, предусмотрительно захваченную хозяйкой авто, и в тысячный раз выслушивала нескончаемый список достоинств «Киа» по сравнению с другими автомобилями.

– А еще он снабжен специальными фарами со светодиодными лампочками, изготовленными по технологии LED, и называются они «ходовые огни». А решетка радиатора видели какая? Отделка черным глянцем. Красотища, правда? Но больше всего мне нравится «панорамная крыша» и люк со специальным электроприводом. У моего старого «Опеля» вообще люка не было. А ведь это так удобно! Остановился ночью посреди поля, люк открыл и звездами любуешься. Сказка!

Эти дифирамбы в адрес собственного авто воспевала моя бывшая клиентка, Вероника Кройвицкая. Познакомились мы с ней при весьма странных обстоятельствах. Всему виной маниакальная прилипчивость Вероники. Причем в буквальном смысле этого слова. Если Вероника выбрала вас в качестве своей новой жертвы, отделаться от нее у вас возможности уже не будет. Так случилось и со мной.

В тот день, когда Вероника положила на меня глаз, я спокойно прогуливалась по парку «Липки» в ожидании открытия выставки «Мелочи жизни», посвященной годовщине со дня рождения Михаила Зощенко. Выставка организовывалась музеем Федина совместно с Санкт-Петербургским обществом. Интерес к этой выставке был подогрет моей приятельницей, которая посетила ее за два дня до этого и вздохнула нахваливала ее сорок восемь часов кряду. Остаться в стороне от знаменательного события после такой рекламы я просто не могла. Да и, признаться честно, в тот момент у меня была масса свободного времени, которое нужно было как-то убивать. Вот я и подумала: а почему бы и мне не посетить эту выставку, раз другим она так понравилась? Правда, часы работы выставки приятельница сообщила, мягко говоря, неверно. Ошибка составляла два часа чистого времени. А если учесть, что приехала я в музей Федина заранее, то в моем распоряжении оказалось ни много ни мало сто пятьдесят минут. Чтобы не околачиваться возле здания музея, я отправилась в парк. Тогда я еще не знала, во что выльется мне это решение.

Так вот, дефилируя по парковым аллеям, я лениво разглядывала празднующую публику, в изобилии представленную здесь в честь выходного дня. В основном это были влюбленные парочки и добропорядочные тарасовские семейства, решившие посвятить день отдыха культурному досугу. В очередной раз поворачивая в обратный путь, я услышала за спиной громко произнесенную фразу:

– А я вас знаю!

Я машинально обернулась. Не то чтобы я подумала, что женский голос обращается именно ко мне. Просто сработал инстинкт. Когда человек слышит позади себя громкую речь, он автоматически оборачивается. Вот я и обернулась. Оказалось, что молодая женщина, лет тридцати пяти, обращается все же ко мне. Она вскочила со скамьи и быстро приближалась. При этом она жизнерадостно улыбалась. Я невольно остановилась, не желая показаться невежливой.

– Здравствуйте, вы меня не помните? Я Вероника. Вероника Кройвицкая. Нас представляли друг другу на фуршете в администрации, помните? – подходя ко мне вплотную и хватая меня за рукав, проговорила женщина.

– Простите, но вы меня с кем-то путаете, – извиняющимся тоном произнесла я. – Я не хожу на фуршеты в администрацию.

– Да бросьте! Я ведь понимаю, что ваш э... приятель не желает афишировать ваши отношения. Только вам незачем меня стесняться. У меня довольно демократичные взгляды на отношения молодых женщин и женатых мужчин. Между прочим, я считаю, что женам высокопоставленных чиновников и так сверх меры повезло, чтобы они еще и верности от своих мужей требовали. Разве я не права? – заявила женщина.

– Ваши взгляды на внебрачные связи государственных мужей – это ваше личное дело, – резко ответила я. – Я же вынуждена повторить, что никакого отношения к сильным мира сего не имею и иметь не собираюсь. Простите, но вынуждена повториться: вы обознались. Всего хорошего.

И я развернулась, собираясь продолжить прогулку в одиночестве, наивно полагая, что женщина удовлетворится моим ответом. Не тут-то было! Она вцепилась в мой локоть мертвой хваткой и затараторила:

– Да подождите вы! Не стоит так реагировать. Ну, не желаете быть узанной, и не надо. Не больно-то и хотелось. Просто я здесь одна и буквально помираю от скуки. Говорите, мы не знакомы? Так давайте познакомимся, за чем дело стало? Меня Вероника зовут. А вас?

Я сердито взглянула на женщину и попыталась вырваться из ее цепких рук. Мне это не удалось.

– Прошу вас, уберите руки, иначе мне придется призвать на помощь охрану парка, – пригрозила я. – Я не собираюсь с вами знакомиться, разве это непонятно? Мне вполне комфортно в одиночестве. Поищите себе в компанию кого-то другого.

– Да перестаньте вы сопротивляться! Ну чего вам стоит поболтать со мной полчасика? Я жду человека, а он появится здесь не раньше, чем через час. Правда, я просто не могу оставаться сейчас одна. У меня в жизни такое происходит! Мне необходимо с кем-то поделиться. – Вероника просительно сложила руки перед грудью, выражение ее лица при этом было таким трогательно-несчастливым, что я дрогнула.

– Хорошо. Я уделю вам полчаса своего времени, если вы пообещаете больше не упоминать административные фуршеты, и не ассоциировать меня с чьими-то любовницами, – произнесла я.

– Идет! Вас как зовут? – Вероника с легкостью согласилась на все мои условия.

– Татьяна, – представилась я.

– А я Вероника, – в третий раз назвала себя женщина. – Не хотите до кафе прогуляться. Признаться честно, я ужасно проголодалась. Только вот терпеть не могу есть одна. Составите компанию?

– Если только кофе выпить, – снова уступила я.

– Отлично. Тут за углом кафе есть. Вполне подходящее для любого рода встреч, – авторитетно заявила новая знакомая и потащила меня к выходу из парка.

В кафе Вероника рассказала мне печальную историю, которая привела ее в парк. Оказалось, что там она должна встретиться с юристом по вопросу наследства. У Вероники была двоюродная тетушка. Проживала она в Тарасове. Имела дорогую четырехкомнатную квартиру, довольно внушительную сумму сбережений и в придачу владела дачей в Подмоскowie. Долгих пятнадцать лет Вероника ухаживала за престарелой тетушкой, которая сулила ей отписать все свои накопления за те услуги, которые племянница ей оказывала. И все бы было прекрасно, если бы после смерти тетушки не объявились невесть откуда взявшиеся родственники. Они решили оспорить завешание, предъявив свои права на наследство. Вероника была уверена, что родственники эти ни в каком родстве с ее покойной тетушкой не состоят. Попросту говоря, они самозванцы, гоняющиеся за чужим наследством. А у Вероники нет никого, кто бы мог заступиться за несчастную женщину.

Проникнувшись сочувствием к Веронике, я посоветовала ей нанять толкового адвоката, чтобы тот вывел самозванцев на чистую воду и сохранил за ней право владения имуществом умершей тетушки. И как-то так получилось, что Вероника вырвала у меня признание о роде моей деятельности. После этого признания она заявила, что меня ей послала сама судьба, и уговорила заняться ее делом. И я, к своему собственному удивлению, согласилась. Две недели мы бились над решением проблемы. В итоге мне удалось найти доказательства того, что «родственники» и вправду поддельные, документы липовые, а Веронику признали единственной наследницей «заводов, фабрик, пароходов», которыми при жизни владела тетушка.

Вероника щедро со мной расплатилась, и я уже решила, что на этом наше знакомство и закончится. Но так считала только я. У Вероники на этот счет было совсем иное мнение. Правда, узнала я об этом только десять дней назад. Ровно столько времени прошло с тех пор, как Вероника нежданно-негаданно выросла на пороге моей квартиры с предложением посетить ее подмосковную дачу, полученную в наследство от покойной родственницы. Вначале я категорически отказалась. Причиной тому было мое нежелание общаться с прилипалой-Вероникой. Одно дело помочь человеку в трудной ситуации и совсем другое, выбрать этого человека себе в друзья-приятели. Что-то, а пригласить с Вероникой в мои планы точно не входило. Но, как я уже говорила, если она что-то вбивала себе в голову, переубедить ее было выше человеческих сил.

Она названивала мне по телефону десять раз на дню. Приезжала ко мне домой чуть ли не каждый вечер. И продолжала уговаривать меня прокатиться с ней на выходные в подмосковные владения, аргументируя это тем, что я имею полное право после блестяще проделанной работы насладиться загородным отдыхом. Мое намерение категорически отказать Веронике дало трещину. Чтобы определиться, я воспользовалась проверенным способом. Бросила кости. Результат укрепил меня в первоначальном решении. «14 + 28 + 11 – Вы согласитесь на какое-то предложение, которое принесет не только много забот, но и может закончиться для Вас плачевно», – сообщили кости. В очередной приезд Вероники я заявила, что неотложные дела заставляют меня отказаться от ее предложения на неопределенный срок. И тут Вероника сменила тактику. Она снова принялась давить на жалость. В Подмосковье, мол, все такие снобы. Дачные соседи никак не желают принимать в свой круг провинциалку, а ей во что бы то ни стало нужно закрепиться в этом обществе. И помочь в этом ей могу, естественно, только я. Чем я могла помочь, мне было непонятно, но, тем не менее, как-то так вышло, что я согласилась. Чем только подтвердила предсказание костей, сообщивших, что на предложение я все же соглашусь.

И вот теперь я вынуждена была слушать восторженные речи Вероники, наслаждающейся свалившимся на нее богатством. Автомобиль, который она так старательно хвалила, был куплен на сбережения тетушки буквально месяц назад. Вероника еще не успела привыкнуть к своему новому статусу состоятельной дамы и буквально упивалась теми благами, которые предоставлял ей далеко не скромный счет в банке.

– Осталось проехать сорок километров, и мы на месте, – сообщила она. – Вы не очень устали?

– Отчего мне было устать? Разве что от безделья, – усмехнулась я.

– О, иногда безделье весьма полезно, – заметила Вероника. – Вот доберемся до места, там-то у нас будет масса возможностей для безделья. Я, кстати, хотела с вами посоветоваться насчет того, не нанять ли мне садовника, чтобы он привел участок в относительный порядок. За время болезни тетушки тот пришел в страшное запустение. Да что я забегаю вперед. Сами все увидите. На самом деле, некая диковатость места придает ему особый колорит. Как в сказке «Спящая красавица», помните?

Я вынужденно кивнула. Сказку про прекрасную принцессу, которая была заколдована злой ведьмой и уснула долгим сном, как только ей исполнилось шестнадцать, я, естественно,

помнила. Только вот Веронику в роли красавицы, возвращающейся к нормальной жизни благодаря поцелую прекрасного принца, я как-то слабо представляла. Скорее уж в роли суматошной нянюшки принцессы.

– Мне всегда нравилась эта сказка, – Вероника мечтательно вздохнула. – Я даже картинки из книжки до сих пор помню. Замок с высокими остроконечными башнями, сплошь заросший колючим кустарником. Принц, продирающийся сквозь эти заросли, влекомый туда неведомой силой. Спящие придворные с золочеными кубками в руках, в которых еще не высохло вино. И комната принцессы, красота которой затмевает даже позолоту богатого убранства.

Вероника снова вздохнула.

– Мои хоромы, прямо скажем, на замок не тянут. Но заросли вокруг дома сродни тем, через которые пришлось пробираться принцу, – закончила она уже со смехом.

– Неужели состояние дома настолько плачевное? – удивилась я.

– О, не берите в голову. Я уже успела избавиться от большей части сорняков и мусора, так что нас ждет вполне приличный двор. Работы там еще достаточно, но это не проблема. Денег, которые оставила тетушка, хватит на то, чтобы привести все в порядок в кратчайшие сроки. Мне бы только среди местных снобов закрепиться. А то ведь они меня никак всерьез воспринимать не желают, – пожаловалась она.

Пока мы мило беседовали, на горизонте показался дорожный указатель. На нем четким крупным шрифтом было выведено «Мячково – 5 км».

– Ну вот. Считайте, что уже добрались. Мячково – это как раз наше пристанище, – сообщила Вероника, съезжая с трассы. – Мой дом практически на самой окраине. Вон, видите красную крышу? Это он и есть.

И она махнула рукой вперед. Я всматривалась в крыши показавшихся домов, но красного цвета там не видела. Интересно, может, Вероника дальтоник? Где она красную крышу разглядела? А Вероника между тем уверенно вела машину по проселочной дороге, довольно, кстати, ухоженной. Через пять минут она затормозила у покосившегося забора, собранного из разномастного штакетника. Выскочив из машины, она помчалась к воротам. Для сооружения, представшего моему взору, слово «ворота» было явно слишком оптимистичным. Две створки, слепленные из того же штакетника, держались на честном слове. Пока Вероника открывала их, я все опасалась, что петли не выдержат и навсегда откажутся выполнять свою функцию. Да что там говорить. У меня сложилось впечатление, что конструкция тотчас развалится, как только к ней прикоснется рука новой владелицы. Опасения мои не подтвердились. Веронике непостижимым образом удалось сдвинуть створки с места, освободив проезд. Вернувшись, она вкатила машину во двор и даже умудрилась снова закрыть ворота.

Я не стала дожидаться приглашения покинуть салон. Выйдя из автомобиля, я принялась изучать окрестности. Двор выглядел не настолько заброшенным, как могло показаться со слов Вероники. Кусты акации, посаженные по периметру забора, скрашивали общее впечатление. Дорожки, вымощенные дорогим камнем, были чисто выметены. Траву вокруг них успели подстричь. Сам дом производил и вовсе приятное впечатление. Крыльцо в три ступени. Резные перила и ставни. Беленые стены. Вот только крыша! То, что Вероника называла красным, оказалось на деле просто ржавым листовым железом. Потому-то я и не признала дом издалека. Присмотревшись, я поняла, что когда-то крыша и вправду была покрашена темно-бордовым цветом. Только сейчас от первоначального варианта мало что осталось.

– Ну, как впечатление? – испытующе глядя на меня, поинтересовалась Вероника.

– Довольно мило, – честно призналась я. – Кусты красивые. И ставни как на иллюстрациях к русским народным сказкам.

– Я же говорила, что вам здесь понравится. А когда вы увидите, какой тут пруд, то навсегда влюбитесь в это место, – уверенно заявила новоявленная хозяйка. – Хватайте вещи, пойдем в дом.

Она вытащила из багажника три огромные сумищи, навьючила их на себя и, пыхтя, поплелась к крыльцу. Я со своей полупустой дорожной сумкой чувствовала себя белоручкой. Внутреннее убранство дома меня, прямо сказать, приятно поразило. Здесь было пять комнат, не считая кухни. И все пять комнат были обставлены дорогой мебелью. Не последнего поколения, конечно, но и не «бабушкин вариант», как могло бы оказаться, если вспомнить забор. Стены в комнатах были оклеены современными обоями. Осветительные приборы хоть сейчас на продажу в элитный магазин света. Полы устилали шерстяные ковры с длинным ворсом.

– Нравится? – снова подала голос Вероника и, не дожидаясь ответа, призналась: – Мне очень нравится. Тут даже лучше, чем у тетушки в городской квартире. Знаете, кем был ее муж? Дипломатом. Много лет проработал в разных арабских странах. Это он обставлял дом. Его детище, как любила говаривать тетушка. У него был отменный вкус и довольно большие запросы. А видели бы вы, какая тут посуда! Будто из музея. Ну, еще увидите.

– Красивый дом, – произнесла я, ничуть не кривя душой.

– Выбирайте комнату себе по вкусу. Я еще не определилась, в какой из них хотела бы жить, так что слово за вами, – великодушно предложила Вероника.

Я прошлась по комнатам и остановила свой выбор на той, окна которой выходили на небольшой пролесок. Наверное, приятно, просыпаясь по утрам, смотреть на этот пейзаж. Бросив сумку на пол, я вернулась в самую большую комнату, в былые времена служившую хозяевам гостиной.

– Уже сделали выбор? Прекрасно. Я поселюсь в соседней. Будем перед сном переговариваться. Как в детстве. Здорово, правда? – умиленно произнесла Вероника.

Мне эта идея не показалась такой уж чудесной, но, не желая огорчать женщину, я промолчала. Хозяйка подмосковных владений потащила меня осматривать окрестности. Первым делом она представила моему вниманию миниатюрный прудик в дальнем конце сада. Тот, правда, нешуточно зарос камышом, вода превратилась в сплошной слой тины, но гордости хозяйки это обстоятельство не убавляло. Она с упоением делилась со мной планами по реконструкции дворовой площади с учетом современных возможностей ландшафтного дизайна.

– Прудик я декоративным камнем огорожу. Сказали, что эта процедура довольно быстрая и недорогая. У того большого дерева поставлю беседку. Хочу, чтобы место для вечерних чаепитий было. А вдоль самого пруда скамеечку поставлю. И жасмин возле нее посажу. А у самого дома сирень. Возле каждого окна. Как думаете, может быть, еще одну беседочку около баньки поставить? – прервала свой монолог Вероника.

– Да я, собственно, и где сама банька, пока не видела, – заметила я.

– О, это легко исправить. Пойдемте, покажу. – Она снова ухватила меня за рукав, увлекая в противоположный конец дачного участка.

Нам пришлось обойти весь дом, так как баня находилась с правой стороны от него, как раз между участком Вероники и соседним участком. Дойдя до нужного места, я остановилась, с сомнением глядя на строение, которое, по словам хозяйки, предназначалось для гигиенических процедур. Перекошенный хлев из некогда беленого камня внушал не просто опасения. Он навевал ужас. От одной мысли о том, что Веронике придет в голову как гостеприимной хозяйке натопить баньку и предложить мне ею воспользоваться, меня бросило в дрожь. К счастью, Вероника оказалась не настолько фанатично влюбленной в свое новое приобретение.

– Мыться в ней, конечно, нельзя. Но это временно. Развалюху мы снесем, а на ее месте поставим добротную сауну с парилкой и душевой кабиной, точно такую же, как у соседей. Я и с умельцами уже договорилась. Узнала, кто соседке баню сладил, и тут же к ним. Не откажите, мол, в любезности. Они и не отказали. Правда, работать начать обещали ближе к августу. Но это ничего. Главное, чтобы качественно, верно? – потребовала от меня одобрения своего мнения Вероника.

Я взгромоздилась на плоский камень и свесилась через забор, стараясь разглядеть, как у соседей устроен банно-прачечный комплекс. Он располагался ни много ни мало в десяти шагах от своего менее удачливого собрата, на придомовой территории шикарного трехэтажного особняка, крытого дорогой клинкерной керамической черепицей. Двор соседей являл разительный контраст с двором моей бывшей клиентки. Идеально подстриженный газон, живое ограждение из декоративного кустарника высотой не менее одного метра, на кустарнике шикарные бело-розовые бутоны, аккуратные дорожки по всему участку, выполненные настолько искусно, что невозможно оторвать взгляд. В центре участка красовался декоративный водоем, относительно небольшой по размеру, но представляющий собой настоящее произведение ландшафтного дизайна.

– В трех метрах имеется калитка. Думаю, было бы гораздо удобнее воспользоваться ей, – услышала я спокойный женский голос, доносящийся откуда-то справа. Я повернула голову и встретила взглядом с интеллигентного вида женщиной, укоризненно качающей головой. С первого взгляда было понятно, что мое поведение она не одобряет. Я смутилась и поспешно спрыгнула с импровизированного постамента.

– Простите, не хотела нарушать ваше уединение, – произнесла я виновато.

– Вы и не нарушаете. Просто не люблю, когда гости приходят не с парадного входа, – все так же спокойно проговорила женщина.

– Аделаида Семеновна, доброго вам здоровьечка, – простовато сказала Вероника. – А мы вот на выходные нагрянули. Вы не сердитесь, это я Татьяну попросила ваше хозяйство оценить. Вы же знаете, что я планирую баньку ставить. Вот, хотела посоветоваться насчет размеров. Я с Иванычем уже все обговорила. Он обещал посодействовать.

Вероника от смущения покраснела и даже слегка заикаться начала. Видно, общение с состоятельной соседкой давалось ей с трудом. И чего ради, спрашивается, так волноваться? Ведь не королева Англии перед ней? Всего-навсего обыкновенная москвичка. Ну, лощеная. Ну, ухоженная с пяток до макушки, так что с того? Чтобы как-то скрасить наше с Вероникой общее смущение, я перешла в наступление. Как известно, лесть – лучшее оружие для наведения мостов между малознакомыми людьми. С этого я и решила начать. А чем можно польстить владелице такого особняка? Конечно, похвалой ее владений.

– Участок у вас великолепный. Глаз не оторвать. Пару лет назад я в Лондоне гостила, у знакомой. Муж ее в посольстве служит. Пресс-атташе или что-то в этом роде. Я особо не вникала. Так у нее четверо садовников за приусадебным участком ухаживают, а и то такого порядка добиться не смогли. Особенно мне понравился кустарник. Не подскажете, что за растение? Сама-то я садово-огородными работами не увлекаюсь, а вот приятельнице с удовольствием посоветую такой же вырастить. Смотрится чудесно. Бутоны, как с картинки, – разливалась я в похвалах.

Стрела достигла цели. Упоминание о Лондоне растопило лед, и Аделаида Семеновна смотрела на меня уже не так осуждающе. Еще бы, кто ж станет осуждать приятельницу лондонского атташе?

– Это вейгела, семейство жимолостных. Довольно прихотливое растение, но если приложить достаточное количество усилий, то результат превзойдет все ожидания, – охотно поделилась информацией Аделаида Семеновна и, спохватившись, добавила: – Да что же мы через забор разговор ведем! Проходите в калитку, я вам все тут покажу. У меня с другой стороны дома совершенно необыкновенный жасмин посажен. Цветки какого-то лилово-белого окраса. Вы непременно должны это увидеть.

Веронику уговаривать не пришлось. Она бодрым шагом направилась к калитке, указывая мне путь. Через две минуты мы стояли на участке Аделаиды Семеновны и в три голоса ахали над «необыкновенного окраса» жасмином. Цвет действительно впечатлял, а если учесть, что рос жасмин густой полосой метров пяти длиной, без единого просвета, то не было ничего уди-

вительного в том, что на всех гостей он производил сногшибательное впечатление. По крайней мере, Аделаида Семеновна заявляла именно так.

– Я тоже подумываю над тем, чтобы перед крыльцом жасмин рассадить. Не поделитесь отrostками? – заискивающе глядя соседке в глаза, попросила Вероника.

Аделаида Семеновна едва заметно поморщилась, но, сделав над собой усилие, вежливо произнесла:

– Не стоит все слизывать у соседа, мы же не в пятом классе на контрольной. В природе существует масса прекрасных растений, которые, я уверена, подойдут к вашему фасаду.

Вероника обиженно поджала губы, недовольная отказом соседки. Я же попыталась снова сгладить неловкость.

– Аделаида Семеновна, вы давно в Мячкове живете? – обратилась я к хозяйке особняка.

– Зовите меня просто Ада, – попросила Аделаида Семеновна. – Вообще-то я живу в Москве. В Мячково только на летний сезон перебираюсь. Столичный смог противопоказан моим легким. А дачей этой владею уже с полвека. Ее еще мой дед обустраивал. Участок получил по партийной линии, дом выстроил, а потом уж умер. И участок перешел в наследство отцу, а потом и нам с мужем. Он здесь все на свое усмотрение переиначил. Даже дом старый снес, а новый поставил. Но мне так даже больше нравится.

– А участок – ваших рук дело, верно? – предположила я, улыбаясь.

– Верно. Облагораживанием ландшафта я занялась уже после того, как одна осталась. А почему бы и нет? Времени свободного масса. Средства позволяют. А уж информации сейчас хоть пруд пруди. Только ленивый не откопает. А я, знаете ли, этим недугом никогда не страдала, – ответила Аделаида Семеновна.

– Мне тоже нравится в земле копать. И пусть после этого грязь под ногтями неделю сохраняется. Главное, что вокруг дома красота. Правда, Аделаида Семеновна? – снова невпопад встряла Вероника.

– Вы знаете, для предохранения ногтей и кожи рук от грязи уже давно изобретены перчатки. Хотите – нитяные, хотите – резиновые, хотите – силиконовые. На любой вкус. И незачем знакомых грязными руками пугать, – не сдержавшись, проговорила Аделаида Семеновна.

«И чего Вероника вечно с какими-то нелепостями к ней лезет? Ведь не глупая женщина. И интеллект при ней, и манеры, и культура. Что с ней происходит? Непонятно!» – недоумевала я, искоса наблюдая за бывшей клиенткой. Вероника колкость пропустила мимо ушей. Вместо того чтобы обидеться окончательно и уйти, она вдруг ни с того ни с сего заявила:

– А вы знаете, чем занимается Татьяна? Она детектив. Частный сыщик. Между прочим, лицензированный! – и Вероника победно задрала вверх руку с вытянутым указательным пальцем.

Аделаида Семеновна развернулась ко мне всем корпусом.

– Вот как? Детектив? Очень интересно, – и она принялась разглядывать меня, как некое диковинное насекомое.

Я терпеливо дожидалась окончания осмотра. Долгих пять минут женщина не говорила ни слова, а потом заявила:

– Вот вы-то мне и нужны. Пойдемте в дом.

Она поспешно пошла к крыльцу. Вероника бросилась было за ней, но, увидев, что я с места не сдвинулась, вернулась.

– Чего вы стоите? – зашептала она. – Догоняйте ее скорее, пока не передумала. Говорят, она к себе в дом редко кого приглашает.

– Ничего, переживу и без посещения ее хором, – прошептала я в ответ и призналась. – Не люблю я в незнакомые дома соваться.

Аделаида Семеновна обнаружила, что за ней никто не следует, и, обернувшись на ходу, спросила:

– В чем дело? Не хотите зайти на чашку чая?

– Прежде чем пить чай, хотелось бы узнать причину приглашения, – слегка возвысив голос, чтобы она могла слышать на расстоянии, ответила я.

Естественно, цель ее предложения меня не особо интересовала. А вот манера общения покорила. Повелевать собой малознакомой тетке я позволить не могла, вот и не спешила вслед за Аделаидой Семеновной. Могла же она хотя бы согласия дожждаться, а потом к крыльцу спешить? Могла. Но не посчитала нужным. Вот пусть теперь возвращается и начинает все сначала.

Видимо, до Аделаиды Семеновны дошло, что действия ее можно расценить двояко. Улыбнувшись, она сделала шаг три в обратном направлении и произнесла:

– Прошу прощения, если мое предложение показалось вам обидным. Привычка, знаете ли. Когда на протяжении двадцати лет отдаешь распоряжения, невольно забываешь обычную манеру разговора. А обсудить мне с вами хотелось весьма пикантную тему. По вашему профилю. Сами понимаете, во дворе всего не скажешь. Так как, сможете вы зайти ко мне на пару минут?

Я удовлетворенно кивнула и пошла в дом. Аделаида Семеновна обернулась через плечо и небрежно бросила:

– Всего хорошего, Вероника. Не смею вас задерживать.

Вероника остолбенела. «Как же так? – читалось на ее лице. – Меня выгоняют? В самый интересный момент?» Так как Аделаида Семеновна намекнула на то, что характер разговора будет деловой, а может, даже и тема его касается какого-то запутанного случая, возражать против изгнания Вероники я не могла. Хотя и сочувствовала ей от всей души. Ободряюще улыбнувшись бывшей клиентке, я проговорила:

– Идите, Вероника. Думаю, надолго я не задержусь. Вернусь, прогуляемся с вами по поселку. Покажете мне местные достопримечательности.

Вероника благодарно улыбнулась, по-детски показала в спину уходящей Аделаиды Семеновны язык и пошла к калитке. Я же догнала хозяйку особняка и, принаравливаясь к ее шагу, прошествовала вслед за ней в огромных размеров холл. Аделаида Семеновна пропустила меня вперед, тщательно заперла все замки и предложила:

– Проходите в гостиную, а я пока прохладительные напитки организую. Вы что предпочитаете, охлажденный чай, лимонад или морс?

– Минеральную воду, если можно. В такую жару лучше минералки ничто жажду не утоляет, – желая показать, что не Аделаида Семеновна будет заказывать музыку, ответила я.

Женщина снова усмехнулась, но промолчала. Десять минут спустя, сидя на роскошном диване, она выкладывала мне суть своей проблемы.

– Я бы не стала обращать внимание на такие пустяки, если бы не мой помощник. Я имею в виду местного сторожа Егора Ивановича. Он на лодочной базе живет. По будним дням, когда меня здесь нет, за участком ухаживает. Ну и за домом приглядывает, естественно, – начала повествование Аделаида Семеновна.

– Это не тот ли Иваныч, о котором Вероника упоминала? – поинтересовалась я.

– Он самый. Только я предпочитаю звать его полным именем, – пояснила хозяйка.

– Я вижу, он у вас на все руки мастер, – проговорила я. – И сторож, и садовник, и бани ставить умеет.

– Так и есть. Егор Иванович в поселке нарасхват. Меня он всегда в приоритете держит, так как некогда был близко знаком с моим мужем, – объявила Аделаида Семеновна. – Много лет водителем при нем проработал. А потом муж его сюда на лодочную базу пристроил. Егор Иванович оказался человеком благодарным. Муж давно в могиле, а Егор Иванович до сих пор мне помогает.

Голос Аделаиды Семеновны слегка потеплел. Воспоминания о давно минувших днях действовали на хозяйку особняка положительно. Я кивнула, предлагая продолжить рассказ. Моя собеседница так и сделала.

– На этой неделе я приехала как всегда в четверг. Я работаю четыре дня в неделю и в четверг всегда выезжаю за город. Егор Иванович поджидал меня у калитки. И сразу, как говорится, с места в карьер: «А дочка, на вашем участке появились постояльцы». Я удивленно на него взглянула и потребовала подробности. Он и сообщил, что два дня назад видел, как со стороны заднего двора моего участка какая-то тень крадется. Он, конечно, шумнул для остроты. Тень метнулась в ближайший пролесок, и только незваного гостя и видели. В тот день Егор Иванович чувствовал себя неважно. Возраст уже, знаете ли, не детский. То подагра разыграется, то давление. Короче, на участок он не заходил. Но о госте решил мне доложить. Я его успокоила, как могла. Нечего, мол, в голову всякую ерунду брать. Кому охота за двадцать километров от Кольцевой на разбой ходить. Мало, что ли, в столице подходящих для этой цели объектов. Да и не держу я на даче ни драгоценностей, ни денег. Чего тут воровать? Он успокоился, предупредил, чтобы была повнимательнее, и к себе ушел. Я, признаться, тут же про его предупреждение забыла. Пожилой человек, мало ли что ему привидеться может? – Аделаида Семеновна сделала паузу, ожидая моей реакции.

Я решила пока свое мнение не высказывать, а дождаться окончания рассказа. Так и не получив ответ, женщина продолжила:

– Тот вечер прошел спокойно. Я приготовила легкий ужин, перекусила и отправилась спать. Ночь никаких сюрпризов не преподнесла. А вот следующий день меня озадачил. Как всегда, я решила затопить баню. Пятницу я посвящаю оздоровлению организма. Знаете, многие врачи рекомендуют дышать сухим паром с добавлением различных травяных отваров. Я придерживаюсь этого совета уже несколько лет. И в этот раз я приготовила смесь целебных трав, готовясь провести этот день так же, как и всегда. А когда в предбанник зашла, почувствовала посторонний запах. Он был едва уловимый, но все же ощутимый. Тем более, я прекрасно знаю, как обычно пахнет в предбаннике. Сначала я подумала, что в подпол какое-то животное пробралось и издохло там. Отсюда и запах незнакомый. Сами понимаете, если дом на земле стоит, да еще окружен полями, немудрено, что в нем живность завелась. Мыши полевые, другие грызуны всякие и прочая дребедень. Я прошла по всем помещениям бани, принохиваясь. Старалась определить источник неприятного запаха. Ничего обнаружить не сумела. Тогда я решила не обращать на этот запах внимания. Затоплю, думаю, печь, запах сам выветрится.

Аделаида Семеновна снова замолчала. На этот раз у нее пересохло в горле. Она отпила несколько глотков минеральной воды, которую по моей просьбе принесла в гостиную. Я терпеливо ждала.

– После того как баня была протоплена, запах действительно исчез. Я заняла место в сауне. Часа два там провела. А когда стала собираться обратно в дом, обнаружила кое-что необычное. У меня слева от парилки комната оборудована. Там я храню хлопковые простыни, полотенца и кое-какую мелочь. Так вот. В этой комнате, впрочем, как и везде в доме, у меня всегда идеальный порядок. Каждая вещь имеет свое законное место. И место это годами не меняется. А тут я обнаружила, что полотенца переложены с одной полки на другую! И двух простыней не хватает. Я специально пересчитала. Должно быть двадцать две, а их только двадцать! Спрашивается, куда могли деться еще две простыни? – и она посмотрела на меня таким взглядом, будто думала, что это я виновна в беспорядке, учиненном в той комнате.

– Скажите, вы искали простыни в другом месте? Возможно, они просто в стирке, – произнесла я.

– Исключено! – Хозяйка особняка категорично отмела мое предположение. – Я никогда не оставляю стирку более, чем на один день. И никогда не перекладываю вещи с места на место.

Слово «никогда» Аделаида Семеновна выделила особо. Так, что у меня не осталось сомнений в том, что переубедить ее никакой возможности не будет.

– Продолжайте, – коротко попросила я.

– А продолжать, собственно, нечего. Это все, – развела руками женщина.

– В смысле? – удивленно протянула я. – Вы хотите сказать, что больше ничего необычного в этот день не произошло?

– А вы считаете этого мало? – в свою очередь удивилась Аделаида Семеновна. – Ведь и так ясно: в моей бане кто-то побывал в мое отсутствие. И воспользовался моими простынями. Уж не знаю, с какой целью, но простыни у меня увели.

– И вы хотите, чтобы я нашла вора? – осторожно спросила я.

– Нет, конечно. За кого вы меня принимаете? – возмутилась она. – Я хочу, чтобы вы выяснили, кто посещает мой участок в то время, когда я нахожусь в городе.

Я облегченно вздохнула. Спасибо и на этом! Хоть до поиска пропавших простыней тебя, Татьяна, не опустили.

– Аделаида Семеновна, – начала я, но хозяйка перебила меня.

– Я уже говорила, зовите меня просто Ада, – напомнила она.

– Ну, хорошо. Ада, я думаю, что моей квалификации для решения подобной проблемы вовсе не требуется. С этой задачей прекрасно справится и участковый. Ведь ваш поселок закреплен за каким-то полицейским участком, так? Вот и обратитесь к участковому. Он имеет компетенции, достаточные для выяснения такого вопроса, – заявила я.

– Но я хочу, чтобы этим делом занялись именно вы, – высокомерно проговорила Аделаида Семеновна.

– Боюсь, не смогу взяться за ваше дело. Во-первых, я здесь на отдыхе. Во-вторых, я занимаюсь более серьезными делами. Такими, как убийства, кражи секретной документации или фамильных драгоценностей. И, в-третьих, мои услуги стоят недешево. Платить по двести долларов в сутки ради того, чтобы обнаружить вора грошовой пропажи, мне кажется не совсем целесообразным. В то время как участковый обязан выполнить эту работу совершенно бесплатно. Вы со мной не согласны? – Я пристально взглянула в глаза Аделаиды Семеновны.

Та пораженно уставилась на меня.

– Сколько, вы сказали, стоят ваши услуги? – переспросила она.

– Двести долларов сутки расследования, – повторила я.

– Неужели кто-то платит такие деньги? – недоверчиво спросила Аделаида Семеновна.

– За украденные простыни – нет, – честно призналась я.

– Да, тут есть над чем поразмыслить, – задумчиво проговорила она.

– Вот и подумайте. Надеюсь, вы на меня не в обиде? – на всякий случай спросила я.

– Ну, что вы! Конечно, нет. Напротив, я благодарна вам за дельный совет. Пожалуй, в понедельник заеду в участок и напишу заявление. Пусть отработывают свое жалованье, – ответила Аделаида Семеновна.

– Вот и прекрасно. Тогда я, пожалуй, пойду. А то неудобно как-то получается. Вероника пригласила меня в гости, а я оставила ее в одиночестве, – произнесла я, вставая. – Всего хорошего.

– Всего хорошего, – попрощалась со мной хозяйка.

– Если надумаете, приходите вечером к нам. Вероника обещала приготовить вкусный ужин. Кстати, она недурно готовит, – сделала я попытку обелить образ соседки Аделаиды Семеновны.

– Я подумаю, – согласилась та.

– Будем ждать, – произнесла я и покинула особняк.

Вероника ждала меня на крыльце своего дома, нетерпеливо вышагивая по периметру.

– Ну, чего хотела от вас эта гримза? – набросилась она на меня с вопросами. – Предлагала работу? И что же у нее стряслось? Соседи шиповник порубили? Или от забора не на должном расстоянии клозет установили?

– Вероника, успокойтесь. Аделаида Семеновна просто хотела проконсультироваться, – уклонилась я от правдивого ответа. – Не берите в голову. Лучше покажите мне окрестности. Наверняка в поселке есть такие места, которые всем приезжим показывают.

– Может, и есть. Только для меня тут ни одна живая душа экскурсию устраивать не бросилась. Так что самим придется эти самые колоритные места обнаруживать, – обиженно произнесла Вероника.

– Не беда. Сами так сами. Это даже лучше, – бодро проговорила я. – А я Аделаиду Семеновну на ужин пригласила. Вы ведь не против? Вы, кстати, готовить умеете? Я сказала, что вы классный повар.

– И как это у вас получается? Двух часов в поселке не пробыли, а уже старожилов на ужин позвать умудрились. И Адой ее называть она вам разрешила, и в гости позвала. А теперь вот выясняется, что она и на ужин согласие дала. Удивительно! Я в это Мячково уже третий раз приезжаю, а еще ни у одного дачника в гостях не была, – сердито сказала Вероника.

– Не расстраивайтесь, у вас еще все впереди, – заверила я ее и снова спросила: – Так как насчет готовки? Сумеете соорудить более или менее приличный ужин? Признаюсь честно, я в этой области полный профан. Помощи от меня не ждите.

– Да приготовлю я вам ужин, не сомневайтесь. Хоть французскую кухню, хоть восточную, хоть китайскую. Можете даже африканскую заказать. Выбирайте, что предпочтительнее, – уверенно произнесла Вероника.

– Давайте остановимся на классике. Для первого раза и этого будет достаточно, – ответила я.

– Тогда пойдемте в сад. Будем меню составлять, – воодушевилась она. – Ждите здесь. Пойду, блокнот с ручкой возьму. И плед захвачу, чтобы было на чем сидеть.

Вероника скрылась в дверях дома и через минуту вернулась с клетчатым пледом через плечо и блокнотом в руках. Мы прошли в глубь участка, расстелили плед прямо на траве и приступили к выбору блюд для предстоящего званого ужина.

Глава 2

Два дня пролетели в безделье и неге. Субботний ужин с Аделаидой Семеновной в качестве почетного гостя прошел на удивление тепло и оживленно. Настолько тепло, что на следующий день Аделаида Семеновна снизошла до того, что предложила Веронике посетить еженедельный воскресный фуршет в доме самого авторитетного жителя дачного поселка Мячково. Вдовствующая генеральша, чья дача находилась от Вероникиной через два участка, приняла Веронику в своем доме исключительно по рекомендации Аделаиды Семеновны. Зато теперь Вероника имела доступ во все дома поселка и была рада этому обстоятельству, как младенец соске.

В понедельник утром мы с Вероникой собирались двинуться в обратный путь. В Подмосковье, конечно, хорошо, но пора и честь знать. Выезд назначили на шесть утра. Аделаида Семеновна в это же самое время выезжала в Москву на работу. Это обстоятельство стало для Вероники решающим при определении времени отъезда. Почему-то ей нестерпимо хотелось проехаться по Мячкову вместе с Аделаидой Семеновной. Думаю, таким образом она хотела закрепить достигнутый результат. Пусть, мол, все жители дачного поселка знают, что новенькую бойкотировать прекратили.

Когда в понедельник утром Вероника заглянула в мою комнату, я едва сумела разлепить веки. Подать голос, а тем более подняться с постели я была не в состоянии.

– Танюша, что с вами? – увидев меня, всплеснула руками женщина. – Вы красная, как переспевший помидор. Как ваше самочувствие?

– Нормально. Немного знобит, но это не беда, – прохрипела я. – Через час разгуляюсь, все как рукой снимет.

– Какой час? Вы температуру мерили? – потребовала ответа Вероника.

– У меня градусника нет, – честно призналась я.

– И давно вы так мучаетесь? – не выдержав, хозяйка принялась отчитывать меня. – Лежите тут, молчите, неужели трудно было меня позвать? Ну, допустим, крикнуть вы не могли из-за своего охрипшего голоса, но в стену стукнуть-то могли? Неужели думаете, я вам градусник не отыскала бы? А еще детектив! Никакой ответственности по отношению к своему здоровью. Разве можно до такого состояния себя доводить?

Продолжая ворчать, Вероника ушла за градусником. Когда процедура измерения температуры была завершена, женщина взглядела в шкалу термометра и, всплеснув руками, заявила:

– Тридцать девять и восемь! Ужас! Это же уму непостижимо! Как вы еще дышите, с такой температурой?

– Да ерунда. Сейчас жаропонижающее приму, и можем ехать, – просипела я.

– Об этом не может быть и речи! – категорично заявила Вероника. – В общем, так: вы остаетесь здесь. Лекарств у меня предостаточно, продуктов тоже. Отдыхайте, поправляйтесь. А я к концу недели вернусь и заберу вас в Тарасов.

– Я не могу остаться здесь так надолго, – принялась возражать я. – Мне нужно домой. Причем срочно.

– Это еще зачем? Насколько я знаю, клиента нового у вас нет. Посещать офис изо дня в день в определенные часы вам не надо. Значит, вы вполне можете побыть в Мячкове еще недельку. А вот когда поправитесь, тогда и о доме поговорим, – безапелляционным тоном заявила Вероника.

– Да не могу я здесь оставаться. Вдруг меня в Тарасове уже ждет какое-нибудь важное дело, а я тут прохлаждаюсь? – застонала я.

– Подождет ваше дело, никуда не денется. Все равно вы сейчас ни на что не годны со своей температурищей. А уж если дело и вправду важное, то недельку оно вас точно подождет, – закутывая меня пушистым пледом, уговаривала Вероника. – Сейчас я вам лекарства принесу.

И она снова оставила меня одну в комнате. Вернулась Вероника с подкреплением. Аделаида Семеновна вышагивала позади нее, сжимая в руках поднос, заваленный всевозможными лекарственными препаратами. Вид при этом у нее был самый что ни на есть решительный.

– И чего это вы, Татьяна, надумали? Вероника сказала, что у вас температура зашкаливает, а вы в дорогу собираетесь? – принялась отчитывать меня соседка. – Это верх безрассудства, скажу я вам. А что, если вам в дороге хуже станет? Разве можно с такой высокой температурой с места срываться? Тут до Москвы буквально несколько километров. Вызвали «Неотложку» и через двадцать минут в стационаре. А в дороге Вероника что с вами делать станет? А если вы ее заразите? Об этом вы не подумали?

Что я могла ответить? Домой хотелось ужасно, но подвергать опасности заражения другого человека я не могла. Фраза, оброненная Аделаидой Семеновной, сыграла решающую роль. Вздохнув, я проговорила, смиряясь с обстоятельствами:

– Давайте ваши лекарства. Надеюсь, мне станет легче задолго до конца недели, и я смогу добраться до Тарасова на поезде.

– Зачем же вам торопиться?

– Для чего себя так утруждать?

Обе женщины одновременно задали каждая свой вопрос. И так же одновременно замолчали, уступая право первого ответа. Возникла неловкая пауза, которую, по возрастному преимуществу, прервала Аделаида Семеновна.

– Думаю, ни к чему вам спешить. У Вероники в доме прекрасные условия. Полежите, отдохнете, пройдете курс лечения. На свежем воздухе вы гораздо быстрее пойдете на поправку, чем в душном городе. Я попрошу внучатую племянницу Валентины Николаевны за вами приехать. Валентина Николаевна владеет участком через четыре дома от вашего. Она мне не откажет. Да и племянница ее тоже. У нее, между прочим, медицинское образование, хоть и неоконченное. Еще попрошу Егора Ивановича навещать вас, когда он мой дом проведывать будет. Если продукты какие-то понадобятся, можете к нему с этой просьбой обращаться. Он либо в поселке купит, либо вас до переезда на машине домчит. Там круглосуточный магазин открыт.

Я лежала, слушала обещания Аделаиды Семеновны, и ждала, когда же она перейдет к разделу «просьбы». Только я об этом подумала, как Аделаида Семеновна произнесла:

– Татьяна, раз уж вы вынужденно застряли в наших краях, может быть, все же последите за моей банькой? Понятное дело, специально выискивать кого-то не нужно, но так, между делом присмотреть вполне возможно. Кто знает, вдруг вам повезет, и вы изловите этих охотников за чужим добром? А уж я в долгу не останусь. Полная сумма вашего обычного гонорара это, разумеется, слишком, но поверьте, за ту работу, что вам придется выполнять, вознаграждение будет более чем достойным.

Видя, что ее увещевания не приводят к нужному результату, Аделаида Семеновна пошла на крайние меры. Она всем корпусом развернулась к Веронике и с жаром произнесла:

– Вероника, ну, хоть вы на нее повлияйте! Я уверена, вы можете.

После такого заявления я была обречена! Одного молящего взгляда Вероники было достаточно, чтобы я растаяла, как масло на сковороде.

– Ну, хорошо. Как только почувствую себя более или менее сносно, послежу за вашей баней. Но учтите, никаких обязательств я на себя этим обещанием не беру. Сделаю это, так сказать, в виде исключения, на общественных началах, – прохрипела я.

– Конечно, конечно. Только последите. А уж я вас отблагодарю. Ну, пойдемте, Вероника. Танюше необходим покой.

Опасаясь, как бы я не передумала, Аделаида Семеновна подхватила под руку Веронику и быстренько вывела из комнаты. Я только и успела разобрать, как щелкнул замок входной двери, и услышать отдаленное эхо Вероникиных слов о том, что запасной ключ от двери в кухне в вазочке.

Итак, Аделаида Семеновна и Вероника уехали, а я осталась мирно болеть на подмосковной даче. Двое суток я пластом провалялась в постели, покидая ее лишь по неотложной нужде. На третьи сутки температура начала спадать. К обеду я смогла дотащиться до кухни, разогреть чайник. Есть не хотелось, но я, понимая, что потерянные за дни вынужденного безделья калории нужно восполнять, принялась шарить в холодильнике. Отыскав йогурт, кусок сыра и котлеты, предусмотрительно оставленные мне хозяйкой дачи, я составила все это на поднос, добавила стакан горячего чая и пару булочек и поплелась обратно в комнату. Взгромоздив поднос на прикроватную тумбочку, я решила впустить в комнату немного свежего воздуха. Дышать сразу стало намного легче. Подкрепившись, я почувствовала себя лучше. Измерив температуру, я удовлетворенно констатировала, что болезнь отступила. Ртуть в термометре остановилась на отметке тридцать семь и восемь. Уже неплохо. Снова приняв лекарства, прописанные мне Аделаидой Семеновной, я легла в постель и тут же уснула.

Проснувшись я оттого, что услышала шаги в соседней комнате. Насторожившись, я слегка приоткрыла глаза, рукой пытаюсь нащупать хоть что-то тяжелое на тумбочке, способное послужить оружием, если в этом будет необходимость. Мозг лихорадочно пытался вспомнить, закрывала ли я входную дверь. Мне казалось, что та была закрыта. Но как тогда кто-то смог проникнуть в дом? Видимо, дверь у Вероники ненадежная. Или же замки не были заперты.

– И где это у нас тут тяжело больная родственница? – услышала я доброжелательный женский голос. – Ау, Татьяна, отзовитесь.

В комнату заглянула улыбающаяся физиономия молодой девушки. Пухлые щеки рдели здоровым румянцем. Толстая русая коса горделиво вилась почти до пояса. Я облегченно вздохнула и окончательно открыла глаза. Увидев, что я не сплю, девушка заулыбалась еще шире.

– Вот вы где! А я уж думала, что вы, вопреки наставлениям тетушки, сбежали. И чего ради, скажите на милость, вы не остались в ее доме? Там и уютнее, и Егору Ивановичу за вами присматривать сподручнее было бы, – заворковала девушка, приближаясь к постели. – Правда, от него сейчас пользы мало. Слег старик. Сердечко барахлит. Я, собственно, поэтому так долго и не приходила. Только сегодня от Иваныча узнала, что родственница Аделаиды Семеновны больная на соседней даче одна – одинешенька кукует. Ну, как вы?

Я во все глаза смотрела на девушку, пытаюсь сообразить, кого она называет родственницей Аделаиды. Это я, что ли, вдруг породнилась с соседкой Вероники? Интересное открытие! А девушка тем временем стянула с меня одеяло, встряхнула им в воздухе и запричитала:

– О, да вы промокли насквозь. Температуру сгоняли? Наверное, целый килограмм жаропонижающего слопали. Давайте-ка я вам переодеться помогу. Я и халатик свежий прихватила.

– Простите, вы кто? – не особо вежливо остановила я покушения на свою независимость. – Да не хватайте вы меня. Я в порядке и вполне могу сама за собой поухаживать.

После сна я и вправду чувствовала себя гораздо лучше. Позволять незнакомой молодой особе обращаться со мной, как с инвалидом, я не имела никакого желания. Встав с постели, я отобрала у девушки одеяло, бросила его на постель и потребовала:

– Подождите со своей заботой. Объясните лучше, как вы в дом попали? Я была уверена, что закрыла дверь на ключ.

– Правильно. Вы закрыли, а я открыла. Все местные запасной ключ над дверью держат. Это ж элементарно. Когда здесь прежняя хозяйка обитала, она тоже так делала. Мне оставалось только на цыпочки приподняться, и ключ у меня в руках, – ничуть не смутившись, объяснила девушка. – А зовут меня Елена. Можно просто Алена. Мне так даже больше нравится. И пришла я сюда по просьбе Аделаиды Семеновны. Она Егору Ивановичу велела за

вами присматривать. И мне просьбу передать. За задержку извините. Сама только что узнала. Ну, смотрю, вы и правда на поправку пошли. Вон как глазищами стреляете. Того и гляди испепелите меня праведным гневом.

И девушка заливисто расхохоталась. Смеялась она так заразительно, что я не выдержала и рассмеялась вслед за ней. Минут пять мы не могли унять веселье. Только успокоимся – и снова в хохот. Обессилев от смеха, я опустилась на постель и предложила:

– Чаю хотите?

– Не откажусь. Только, чур, готовлю я. Аделаида Семеновна с меня и так теперь три шкуры спустит, что я позволила вам в одиночестве болеть. Дайте хоть как-то реабилитироваться, – ответила Алена.

Возражать я не стала. Алена забрала поднос с посудой и пошла на кухню. Некоторое время до меня долетали звуки звенящей посуды, шелестение целлофановых пакетов и стук открывающихся шкафчиков. Потом в дверях появилась девушка, несущая на подносе целую гору всякой всячины.

– Устраивайтесь поудобнее, ужинать будем, – заявила она.

За ужином Алена принялась расспрашивать меня, как так получилось, что я «загораю» на чужой даче, вместо того чтобы мирно болеть в родной вотчине своей тетушки. Я не знала, что ей ответить, так как о «благородном родстве» впервые услышала от нее самой, поэтому отделялась шуточными фразами. Устав от допроса, Алена заявила:

– Не хотите говорить, не надо. Давайте-ка я вас осматрю да по своим делам пойду. У меня хозяйство, огород. Дел по горло.

По ее тону было понятно, что она немного обиделась.

– Да не нужен мне осмотр, – отказалась я. – Температура спала, теперь я быстро на поправку пойду. Можете возвращаться к повседневным делам. Обо мне не беспокойтесь. И не переживайте насчет Аделаиды Семеновны, я скажу, что вы все три дня не отходили от меня, стараясь как можно быстрее поставить на ноги.

– Аделаида Семеновна? Что это вы тетушку родную так официально величаете? – Алена подозрительно сощурила глаза. – Или она вам не родственница?

От ответа на вопрос, заданного в лоб, я увильнуть не смогла.

– Каюсь, раскусили хитрость Аделаиды Семеновны. Я ей вовсе не родственница, – призналась я. – Честно говоря, я понятия не имею, почему она не сказала вам об этом. Быть может, думала, что, если представит меня как свою родню, вы ухаживать за мной более тщательно станете.

– Зато я знаю! Аделаида Семеновна никогда ничего не делает просто так. Раз она о вас так печется, значит, ей от вас что-то нужно. Да, не завидую я вам, Татьяна, – и Алена сочувственно покачала головой.

– Мне кажется, вы преувеличиваете, – возразила я. – Что можно взять с заезжей провинциалки? Я ведь сюда с новой хозяйкой этой дачи приехала. Погостить на выходные.

– Вот вернется Аделаида, тогда и узнаете, преувеличивала я или преуменьшала, – продолжала страшать меня Алена и вдруг, будто ее только что осенило, спросила: – Может, вы специалист по ландшафтному дизайну? Аделаида Семеновна буквально повернута на своем участке. Хочет, чтобы ее участок не хуже европейских выглядел. Ну, признавайтесь, чем вы занимаетесь там, в своей провинции?

– К дизайну я не имею никакого отношения, – проговорила я и добавила, просто чтобы внести ясность. – Вообще-то, я частный детектив.

– А, тогда понятно, – протянула девушка. – Будете искать того бедолагу, который у Аделаиды простыни из бани спер. Ну, ну. Удачи.

– А вы откуда об этом знаете? – удивилась я.

– Так я ж с Иванычем общалась. Вот он мне по-дружески и рассказал, какая «беда» с нашей королевной произошла, – засмеялась Алена. – Значит, я угадала? За этим вас Аделаида Семеновна приветствует?

– Ну, был у нас такой уговор. Я обещала последить за баней. Но только последить. Ничего больше, – ответила я. – А вы считаете, подозрения Аделаиды Семеновны не беспочвенны?

– Мне об этом задумываться некогда. У меня и без того забот полон рот, – уклонилась от прямого ответа собеседница.

– И все же, – настаивала я. – Вы ведь Аделаиду Семеновну не первый год знаете. Как думаете, действительно она простыней не досчиталась или попросту забыла, куда их положила?

– Что-что, а забыть Аделаида ничего не могла. Она хоть и не девчушка молоденькая, но памяти ее любая позавидует. Да и о педантичности ее в поселке всем известно, – вынуждена была ответить Алена. – Скорее всего, к ней и вправду кто-то залез. Только вот не понимаю, ради чего такой шум поднимать. У нее ж этих простыней на пять жизней накоплено. Жалко ей, что ли, пары-тройки для нуждающихся? Я бы на ее месте сама половину раздала. Хоть не истлеют от старости.

– Спасибо за откровенность, – поблагодарила я. – Теперь буду знать, что не за эфемерным призраком гоняюсь.

– Ну, ну, – во второй раз хмыкнула Алена. – Удачи.

И девушка ушла. Я перемыла посуду, навела порядок в комнате, уселась возле окна и принялась изучать окрестности. Окно моей спальни выходило на пролесок. Зелень деревьев приятно радовала глаз. Через тридцать минут созерцания это занятие мне наскучило. За окном ничего не происходило. Тогда я выудила из дорожной сумки электронную книгу, перебралась в гостиную, окна которой выходили прямоком на баню Аделаиды Семеновны, и занялась чтением. Скудный исторический роман не мешал наблюдать за объектом. Когда роман надоел, я перешла на гляцевые журналы, освещающие вопросы архитектуры и дизайна, в изобилии представленные в хозяйстве Вероники. Чего тут только не было! На любой самый взыскательный вкус. Начиная с весьма влиятельного и очень популярного в определенных кругах американского журнала Dwell, заканчивая российским журналом «Новый дом», который знающие люди называют полноценной энциклопедией частного домостроения. Как ни странно, занятие это меня увлекло. Я и не заметила, как наступила глубокая ночь. Так и не дождавшись похитителей ситцевых простыней Аделаиды Семеновны, я отключила торшер и отправилась спать.

В четверг я снова почувствовала недомогание. Температура поднялась до тридцати восьми и шести. От большого количества жаропонижающего, которое я употребила за три дня, на лице появилась противная сыпь. Да и от самой мысли, что придется снова глотать эти мерзкие пилюли, меня заранее бросало в дрожь. По этой причине я решила стоически переносить тяготы болезни, но к помощи медикаментов не прибегать. По дому я передвигалась довольно сносно. Вскипятить воду и собрать незатейливую трапезу могла самостоятельно. Вот и не стала вызывать Алену себе в помощь. Пусть, думаю, своими делами занимается, чего человека напрягать?

Так я провела еще сутки. Пила, ела, читала, немного посмотрела телевизор. И все это время периодически занимала пост наблюдения в гостиной. Но на участке Аделаиды Семеновны никакого движения не наблюдалось. Даже Егор Иванович не появлялся. Видимо, еще не отошел от внезапного недуга. Короче, скука смертная. В пятницу я уже подумывала о том, чтобы самой пойти к Егору Ивановичу и уговорить отвезти меня до ближайшей железнодорожной станции или до автовокзала. Лишь бы не оставаться в одиночестве. Время едва перевалило за полдень, и я полагала, что вполне успею на один из поездов, направляющихся в сторону моего родного города.

Сделать этого я не успела. На горизонте объявились обидчики Аделаиды Семеновны. Вернее, один обидчик. Проходя мимо окна гостиной, я краем глаза заметила какое-то движе-

ние недалеко от здания бани. Машинально повернула голову к окну и тут же спряталась за занавеску. К бане Аделаиды Семеновны крался человек. Комбинезон болотно-зеленого цвета делал его фигуру практически незаметной на фоне газонной травы и кустарниковой изгороди. В том, что это не невинный посетитель, я не сомневалась. Человек передвигался очень осторожно, беспрестанно оглядывая окрестности, да еще и на полусогнутых ногах. Почти на корточках.

Я внимательно наблюдала за тем, что он будет делать дальше. Человек добрался до двери, поднялся во весь рост и дернул дверную ручку. «Вот наглость. Решил повторить свой подвиг? Это ты, что же, раз в неделю в чужую баню за постельным бельем ходить будешь? Ну, я тебе сейчас устрою». Я решительно распахнула окно гостиной, высунулась до пояса и заорала что есть мочи:

– Держите его, товарищ участковый, держите. Он у бани, окружайте!

Человек в болотно-зеленом комбинезоне дернулся, как от удара, на мгновение замер, а потом рванул с места в ближайшие кусты. Послышался треск ломающихся веток, топот убегающих ног, силуэт человека еще пару минут был виден из окна гостиной, а потом исчез из поля зрения. Несколько минут до окна еще доносился топот, а потом все стихло. Непрошенный гость сбежал. Я удовлетворенно хмыкнула, вспоминая испуг воришки, закрыла окно и вернулась в спальню. Некоторое время я размышляла над тем, не сходить ли на участок Аделаиды Семеновны и не осмотреть ли окрестности на тот случай, если воришка затаился где-то поблизости для того, чтобы воплотить в жизнь свой коварный замысел, как только все утихнет. Но потом решила, что это будет уже лишним. Я была уверена, что больше о «простынном воре» не услышу.

Ехать домой на перекладных расхотелось. Я решила дожидаться хозяйку соседней дачи. Тем более ждать оставалось недолго. Уезжая, Аделаида Семеновна предупредила, что вернется в пятницу не позднее трех часов дня. Значит, надо потерпеть каких-то пару часов, и тогда я спокойно смогу добраться до вокзала с ее помощью. И сторожа искать по всей округе не придется. Чтобы скоротать время, я принялась наводить в доме порядок. Все-таки неловко оставлять после себя такой кавардак. Это занятие растянулось часа на полтора. Закончив с уборкой, я взглянула на часы. Ровно два. Вот и хорошо. Еще час я уж как-нибудь потерплю.

Устроившись у окна спальни, я наслаждалась пейзажем и размышляла о том о сем. Что-то ждет меня в Тарасове? Быть может, новое интересное дело? Приеду, а на пороге меня какой-нибудь состоятельный клиент с глобальными проблемами поджидает. Хорошо бы, а то я скоро от скуки или свихнусь, или, чего доброго, начну за всякую ерунду хвататься, типа поисков пропавших носков и запонок. Интересно все же, удалось ли мне отлавливать вора от Аделаидиной бани? Наверняка. Не безумный же он, в самом деле, после такого шума снова на ее добро покушаться. Может, кости кинуть? Посмотрю, что ждет меня в обозримом будущем.

Так я и сделала. Порылась в дорожной сумке, выудила оттуда заветный замшевый мешочек и высыпала кости на ладонь. «Что ждет меня впереди?» – мысленно произнесла я и, вытянув руку над подоконником, высыпала на него кости. Три двенадцатигранника пробежали короткий путь и почти сразу остановились. Да, сложившаяся комбинация меня не порадовала. Хотела получить заверения в ожидаемом выгодном предприятии, а получила совершенно противоположный результат. И главное, было непонятно, с чего бы костям так сложиться? «10 + 20 + 25 – Вы поставите себя в неловкое положение перед друзьями», – беспощадно сообщали кости. Странно все-таки. С чего вдруг я окажусь в неловком положении? И перед какими именно друзьями?

Приуныв, я спрятала мешочек обратно в сумку, туда же сложила вещи, которыми пользовалась, будучи в гостях у Вероники. Ладно, не буду раньше времени расстраиваться. Вот вернусь в Тарасов, тогда и подумаю о том, перед кем мне краснеть за свои поступки или слова.

С улицы слышались звуки подъезжающего автомобиля. Я вышла на крыльцо, ожидая увидеть машину Аделаиды Семеновны. Но это была не она. Вернее, не только она. К воротам подкатил «Киа» Вероники. Следом двигался и автомобиль ее соседки. Обе машины затормозили у въезда на участок. Вероника выскочила первой и помчалась открывать ворота. Аделаида Семеновна вышла не спеша и степенным шагом направилась к крыльцу. Поравнявшись со мной, она приветливо улыбнулась.

– Добрый день, Татьяна. Как ваше здоровье? Вижу, вы пошли на поправку? – спросила она, оглядывая меня с ног до головы.

– Спасибо за заботу. Я прекрасно себя чувствую, – ответила я и добавила: – Выполняла Аленины инструкции, и хворь как рукой сняло.

– Значит, Егор Иванович не забыл о моей просьбе, и Аленушка навещала вас? Я рада. Свежий воздух вам явно на пользу. Мне кажется, вы слегка загорели, – продолжила Аделаида Семеновна.

– Думаю, это произошло еще в выходные дни. Последнее время мне было как-то не до солнечных ванн, – сообщила я. – Температура настойчиво не желала спадать. Не поверите, но сегодня первый день, когда я могу передвигаться не только по комнате, но и по участку. Еще вчера я пластом лежала.

– Это ничего. Еще неделька-другая на природе, и вы сами себя не узнаете, – заявила Вероника, присоединяясь к нашей маленькой компании. – Я планирую провести здесь целый месяц. Буду усиленно приводить участок в надлежащий вид. Как насчет того, чтобы погостить в Мячкове еще немного?

– Боюсь, не могу себе этого позволить. Надо возвращаться домой, – поспешила отказаться я. – Мне уже и сообщение пришло. В Тарасове ждут дела.

Я бесстыдно врала насчет сообщений и срочной работы, но другого выхода не было. Провести день-другой в тихом, уединенном уголке Подмосковья – это одно, а застрять здесь на месяц? Нет уж, увольте! Чтобы избежать долгих, нудных уговоров, я спешно перевела тему разговора.

– Кстати, Аделаида Семеновна, больше о «банном воре» можете не вспоминать. Враг выявлен и нейтрализован, – поворачиваясь к владелице соседнего особняка, заявила я.

– Неужели? Это хорошая новость, – обрадовалась Аделаида Семеновна. – И кто же он? Где сейчас? Им участковый занимается?

– Ну, не совсем, – замялась я. – Дело в том, что застукать вора мне удалось, а вот задержать возможности не представилось. Да и ни к чему вам это. Мужик напуган до полусмерти. К вам он больше точно не полезет. Скорее всего, он решит перебраться в другое место, подальше от Мячкова. То, что его здесь ищут, он уяснил, а быть пойманным и посаженным за решетку за грошовую кражу не захочет ни один нормальный человек.

– А разве воры бывают нормальными? – вклинилась в наш разговор Вероника. – Мне всегда казалось, что преступниками становятся самые что ни на есть отбросы общества. Вы так не считаете, Аделаида Семеновна?

– Естественно! – категорично заявила та. – Я тоже считаю, что в тюрьму люди попадают исключительно из-за своей порочности. Думаю, мое мнение поддержит каждый. Верно, Татьяна?

– По-разному бывает, – не поддержала я дачниц. – Иной раз и сотрудники правоохранительных органов ошибаются. Вот невинные люди за решеткой и томятся, пока правда не откроется.

– Ну, это вы загнули, – скептически усмехнулась Аделаида Семеновна. – Да, бывают исключения, когда за решеткой оказываются люди достойные. Но им предъявляют политические обвинения. А за идейные разногласия с действующей властью в России испокон веков сидеть было престижно.

Развивать щекотливую тему я не стала. Спорить не хотелось, а согласиться я не могла. Оставалось лишь думать про себя: «Посмотрела бы я на тебя, Аделаида Семеновна, если бы тебя обвинили в том, чего ты не совершала. Тогда бы небось по-другому бы запела».

– Может, подробности расскажете? – попросила Вероника. – Жуть как интересно про вора послушать. Он что же, снова в баню лез?

– Снова. Я сама удивилась, когда его силуэт на дорожке заприметила. Ну, думаю, наглец. Один раз с рук сошло, он решил повторить подвиг, – принялась рассказывать я.

– Совсем домушники распоясались. Скоро уж в одну и ту же квартиру раз в неделю, как на работу, лазать начнут, – возмутилась вероломством преступника Аделаида Семеновна.

– И не говорите! Совсем люди страх потеряли. А все оттого, что безнаказанность кругом процветает, – принялась поддакивать Вероника. – Вот поймали бы этого негодяя, да в тюрьму. Тогда и другим неповадно было бы. И рост преступности снизился бы.

– Вы дальше слушать-то будете, или я пойду? – перебила я Веронику.

– Конечно, рассказывайте, – потребовала Аделаида Семеновна.

– Я возле окна в гостиной сидела. Наблюдала за входом в баню. Два дня ничего подозрительного не происходило. А на третий день моего дежурства у окна, то есть сегодня, я и заприметила фигуру в маскировочном комбинезоне. Двигался он осторожно. Все время по сторонам оглядывался. А когда до двери добрался, осторожность потерял. Банную дверь ни с дороги, ни из окон вашего, Аделаида Семеновна, дома не видно. Только из окна гостиной. Вор, наверное, решил, что и ваша, и соседняя дачи пусты. Короче, только он хотел в баню проникнуть, как я шум подняла. Окно распахнула, про полицию кричать начала. Окружайте, мол, его. На этот раз он, мол, от нас не уйдет. Ну, или что-то в этом роде. Специально я не запоминала. Вор сначала замешкался, а потом припустил бежать, только треск ломающегося кустарника слышен был, – живописала я результаты своего труда.

Вместо похвалы Аделаида Семеновна всплеснула руками и запричитала:

– Кусты ломались, говорите? Это не те ли, что я в позапрошлом году за баней высадила? И этот вандал уничтожил их?

– Да не переживайте вы так, Аделаида Семеновна, – принялась успокаивать соседку Вероника. – Подумаешь, кусты. Да мы с вами осенью еще лучше посадим. Какой-нибудь жасмин или барбарис, например.

– Жасмин?! Барбарис?! – голос Аделаиды Семеновны взлетел к небесам. – Да знаете ли вы, невежественное вы создание, что за кусты растут вдоль моей бани? Это же «Форсайтия»! Кустарник-первоцвет. Он зацветает задолго до того, как на других деревьях и кустах листья проклеиваться начинают. А как он бесподобно цветет! Вы хоть раз видели? Можете не отвечать. И так ясно, что не видели. Представьте себе стену из лимонного цвета колокольчиков. Только не одиночных цветочков, а бесконечного множества цветов на каждой веточке. Представили? Так вот, помножьте это на сто – и только тогда поймете, какую красоту загубил сегодня этот вандал!

– Быть может, не все так плохо, – вставила я свое слово. – Вы ведь не ходили туда, следовательно, не видели масштаба трагедии. Быть может, он и не поломал ничего. Или совсем немного. Обрежете сломанные ветки, а на следующий год новые наростут. Лучше прежних.

– Может, и так. Только вот я в этом сильно сомневаюсь, – покачала головой Аделаида Семеновна. – Ладно, пойду. Спасибо вам, Татьяна, за помощь. Считайте, что я ваша должница. Не уезжайте, не попрощавшись.

И Аделаида Семеновна пошла к своей машине. Мы с Вероникой оставались на крыльце до тех пор, пока авто соседки не въехало в гараж на ее участке. Понаблюдав через забор за тем, как Аделаида Семеновна паркует машину, мы прошли в гостиную Вероникиного дома.

– Да, неудобно получилось с этими кустами, – проговорила я.

– И я тоже хороша. «Не переживайте. Новые посадим». Лучше бы молчала, – поддакнула Вероника.

– Кто ж знал, что у нее даже трава на газоне, и та «голубых кровей»? – резонно заметила я.

– Каких кровей? – не поняла Вероника.

– Аристократических. «Голубых», значит, – повторила я.

– Так у растений же вообще крови нет, Ну, в лучшем случае зеленая, – возразила Вероника.

– Надо же, а я и не в курсе. Спасибо, что просветили, – улыбнулась я, поняв, что до нее не дошел иносказательный смысл моих слов.

– Так это вы в шутку? А я-то думаю, откуда в кустах кровь и почему она непременно голубая? А вы на аристократов среди растений намекали, – радостно произнесла Вероника.

Сравнение растений с представителями дворянства так развеселило ее, что она принялась хохотать во все горло. Как бы странно это ни звучало, но сам смех у нее был жутко смешной. Как в игрушке советской эпохи. «Мешок смеха» называлась. Нажимаешь на кнопчку, и из мешка хохот льется. То мужской, то женский, то детский. Не хочешь, а следом рассмеешься. И мы, как две сумасшедшие, стояли посреди гостиной и хохотали в голос. Постепенно желание смеяться утихло, и мы смогли заняться текущими делами. Вероника принялась готовить обед. Я продолжила собирать вещи. Остаться на даче еще на неделю я так и не согласилась, и Веронике ничего не оставалось делать, как пообещать доставить меня в соседнее село на железнодорожную станцию. Вездесущий Интернет сообщил, что ближайший поезд на Тарасов отходит от этой станции в шесть пятнадцать вечера. Вероника заявила, что до станции добираться не больше двадцати минут. Как раз успеем пообедать перед дальней дорогой.

В кухне все шкворчало и кипело. Запахи по округе разносились восхитительные. Так как хозяйка из меня никудышная, я ушла на крыльцо, чтобы не мешать Веронике творить кулинарные шедевры. Прихватив уже знакомые журналы по архитектуре, я лениво листала их, разглядывая фасады больших и маленьких зданий. На середине этого занятия я увидела, как распахнулась калитка и в нее непривычно быстро влетела Аделаида Семеновна. Даже не потрудившись прикрыть ее за собой, она неслась по тропинке к крыльцу. Лицо ее выражало ужас. Рот открывался, но звука слышно не было. Ее состояние невольно передалось и мне. Я поднялась со ступеней, отложила в сторону журнал и ждала, что же она мне скажет.

Аделаида Семеновна добежала-таки до крыльца и начала несвязно бормотать, одновременно пытаясь справиться с одышкой:

– Там! Он! Ужас!

– Что? Кто? Где? – волнуясь, вторила я ей. – Да что у вас стряслось? Скажите, наконец!

– Там! В бане! Мужчина! – выдала соседка.

– Что? Опять? Ну, ни стыда ни совести у людей! Я ж его всего три часа назад выгнала, – возмутилась я и решительно заявила: – Пойдемте туда, я с ним разберусь.

– Угу, пойдем. Только разобраться вряд ли удастся, – прислоняясь к перилам, заявила Аделаида Семеновна. – Мне кажется, он того, умер.

– Как умер? Кто умер? – услышали мы за спиной возглас Вероники. – Кто-то из ваших родственников?

– Да каких родственников? – отмахнулась от нее соседка. – Думаю, это тот самый вор, что простыни украл. И мне кажется, что он мертв.

На крыльце повисло молчание. Аделаида Семеновна переводила взгляд с меня на Веронику и обратно.

– Так вы посмотрите, Татьяна? – спросила она, наконец.

– На что? – задала Вероника вопрос вместо меня. – Татьяна-то тут при чем? Полицию вызывать надо.

– Правильно. Полицию мы вызовем. Но сначала на него посмотрит Татьяна, – с нажимом в голосе произнесла Аделаида Семеновна. – Может, он и не умер вовсе. Может, он просто спит крепко. Что я в этом случае полиции скажу? Что случайно перепутала покойника со спящим мужиком? И чтобы потом надо мной весь поселок полгода потешался?

– Да никто не будет над вами смеяться, – начала Вероника, но я ее перебила.

– Все, диспут завершен. Я приняла решение. Пойдемте, Аделаида Семеновна. Покажете мне своего постояльца, – потребовала я.

Та охотно согласилась. Вероника хмыкнула и вернулась в кухню. Мы же с пожилой женщиной пошли напрямик к бане. На пороге хозяйка остановилась и решительно заявила:

– Идите, Танюша, сами. Вы все-таки детектив. К этому делу привычная. А у меня нервы не железные. И сердце слабое. Второго раза может не выдержать. Я вас тут, на пороге, подожду. И потом, это ведь вы заявили, что о ворах я больше не услышу? Нехорошо получается.

– Где он хоть? – спросила я.

– В дальней комнате. В парилке. На «полках» лежит, – ответила Аделаида Семеновна.

Пришлось мне идти в баню в полном одиночестве. Предбанник я прошла, даже по стоконам не глядя. Вторая комната предназначалась для разного рода чаепитий. Гостевая, так сказать. Устанут гости париться, сразу сюда. На диванчике посидеть, чай с малиной или с листом смородиновым попить. В этой комнате никого не было. Третья комната являла собой небольшой в диаметре, но довольно глубокий бассейн. Я бы даже назвала это сооружение не бассейном, а емкостью для ополаскивания. Заплыв в ней не устроишь, а вот распаренному человеку окунуться в прохладную воду места хватит. Но и тут никого не было. Впереди оставалась только сама парилка. Туда я входила с опаской, так как Аделаида Семеновна сказала, что именно там устроился мужчина.

Приоткрыв дверь, я просунула туда для начала только голову. Незнакомца я увидела сразу. Он лежал спиной к двери на самой верхней полке сооружения, предназначенного для банных процедур. Сверху он был накрыт простыней. Из того, что я могла разглядеть с такого ракурса, был лишь русский затылок да пятки, упакованные в грязные носки. У основания «полков» стояли кроссовки, размера примерно сорок первого – сорок второго. Наблюдая за мужчиной с того места, где находилась, я никак не могла понять, дышит ли он. А выяснить это нужно было непременно. Тогда я осторожно вошла в парилку, закрыла за собой дверь и позвала:

– Эй, мужчина, вставайте.

Ответа не последовало. Мужчина совершенно никак не прореагировал. Может, затаился? Не похоже. Я подошла к «полкам» вплотную, взобралась на нижнюю ступеньку и оказалась на одном уровне с лежащим. Наконец-то я увидела его лицо. Одного взгляда хватило, чтобы понять, что человек этот ни на чей зов уже никогда не отзовется. Его лицо было лицом мертвого человека. Для подтверждения своего предположения я дотронулась до его руки, стараясь нащупать пульс. Рука была еще теплая. Значит, умер мужчина не так давно. Откинув простыню, я осмотрела одежду. Знакомый болотно-зеленый комбинезон. Интересно! Неужели это тот самый человек, которого я спугнула каких-то пару-тройку часов назад? Нет, не похоже. Тот, как мне кажется, был несколько выше и намного стройнее покойника. Выходит, воров было двое? Очень странно! Если уж идти на дело, то могли бы побогаче добычу выбрать. Тем более странно, если действовали вдвоем. И унести намного больше можно, и разделиться. Один в дом лезет, другой на стреме стоит. Чего их в баню-то потянуло?

И документов наверняка никаких. Я осторожно перевернула мужчину, чтобы добраться до карманов. Обшарив их, я убедилась в том, что предположение насчет документов верно. Содержимое карманов было на удивление безликим. Ни чеков из супермаркета, ни кошелька. Денег вообще никаких. Только канцелярская скрепка с клочком картона белого цвета, сохранившего несколько букв, сделанных золотым тиснением. «Тва» сообщала надпись. И закорючка, написанная синей шариковой ручкой. Вот и весь улов.

От карманов я перешла к осмотру тела. Видимых следов насилия не наблюдалось. Голова в порядке. На теле ни одной раны. Кожа ровного, телесного цвета без кровоподтеков. Только на затылке, ближе к шее, ярко-красное пятно правильной треугольной формы. Но это явно не следы насилия. Скорее, родимое пятно. Отчего же ты умер, дружок? Не раздевать же тебя, в самом деле?

Придав мужчине первоначальное положение, я снова собиралась накрыть его простыней. И тут обнаружила следы крови на досках «полков». Видимо, пока я его ворочала, сдвинула с места. Пришлось перекатить его на другой бок. Тут-то и стала понятна причина смерти. Под левой лопаткой, как раз напротив сердца, в комбинезоне была маленькая дырочка, опаленная по краям. Вот, значит, как! Налицо огнестрел. Очень интересно! Крови вытекло немного, да и на груди отверстия от пули я не обнаружила. Значит, пуля застряла внутри бедолаги. Выходит, мужчина забрался в баню не для того, чтобы пожить хозяйским добром. Это уже кое-что. Пожалуй, лучше будет, если я все верну на место.

Накрыв мужчину простыней, я приступила к осмотру помещения. На это ушло еще несколько минут. Ничего подозрительного найдено не было. Следов пребывания поделщика тоже не было видно. Ни окровавленных бинтов, ни медикаментов, указывающих на то, что раненому оказывалась медицинская помощь. Даже обезболивающего поблизости не было. Банального анальгина и то не нашла.

От двери послышался голос Аделаиды Семеновны.

– Татьяна, у вас все в порядке?

– Да, Аделаида Семеновна. Я уже выхожу, – крикнула я, бросила последний взгляд на мужчину и направилась к выходу.

– Ну, что там? – задала вопрос хозяйка, как только я оказалась в поле видимости. – Я была права? Он мертв?

– К сожалению, так оно и есть. Вызывайте полицию, – сообщила я. – Мужчина, который лежит в вашей бане, умер от огнестрельной раны. Боюсь, вам предстоит неприятный разговор с сотрудниками правоохранительных органов.

– А при чем тут я? Ведь не я же его застрелила? – удивилась Аделаида Семеновна.

– Это-то понятно. Только вот умер он на вашей территории. Полицию наверняка заинтересует тот факт, что вы своевременно не сообщили о своих подозрениях насчет того, что вашу баню облюбовали неизвестные, – предупредила я ее и поспешила успокоить, увидев, как заволновалась женщина. – Да не переживайте вы раньше времени. Может, еще обойдется.

– Надо же было им именно мою баню облюбовать! Вот, Татьяна, а вы говорили, что больше я о «простынных ворах» не услышу! Ну, почему вы не проверили, что тут творится, когда спугнули этого негодяя? Глядишь, и этот был бы жив, – в сердцах воскликнула Аделаида Семеновна.

А я вспомнила предсказание костей о том, что попаду в неловкое положение. Конечно, Аделаиду Семеновну трудно отнести к разряду моих друзей, но неловкость я испытывала нешуточную. Действительно, почему я не пошла на ее участок после того, как оттуда сбежал приятель покойника? Сейчас бы краснеть не пришлось. Да что теперь об этом думать? Время обратно не повернешь.

– У вас телефон с собой? – чтобы избавиться от неловкости, спросила я.

– В доме. Я в баню шла, чтобы затопить ее, а не для того, чтобы по телефону с полицией общаться, – сердито пробурчала женщина.

Проигнорировав очередной ее выпад, я произнесла:

– Возвращайтесь в дом и звоните в полицию. А я пройду по участку. Вдруг удастся отыскать следы того, второго? Убегал он в спешке. Мог что-то важное выронить.

Аделаида Семеновна послушно отправилась в дом, а я закрыла дверь бани на замок и пошла по следам приятеля покойного, надеясь отыскать что-то, что помогло бы полиции установить личности незваных квартирантов Аделаиды Семеновны.

Глава 3

Полиция приехала на удивление быстро. Я едва успела вернуться в дом Аделаиды Семеновны после осмотра окрестностей. Я проделала путь человека в болотном комбинезоне. Дорогостоящие кусты Аделаиды Семеновны пострадали не так сильно, как она предполагала. Всего несколько сломанных веток. Мужчина в комбинезоне перескочил через них, лишь слегка задев. Дальше его путь лежал до невысокого забора, выходящего на лесополосу, окаймляющую незасеянное поле. Там он пробежал метров двадцать по самой лесополосе, перебрался через неширокую вспаханную межу и свернул к лесу. Там его след терялся. Куда он мог податься дальше, можно было только гадать. На всем пути его следования мне удалось обнаружить только две стоящие улики. Клочок комбинезона с остатками логотипа на ткани и след от ботинка. Весьма, кстати, примечательный. Судя по отпечатку подошвы, ботинки на беглеце были тяжелые. Либо из военных запасов, либо альпинистские. След довольно четко отпечатался на вспаханной меже. В центре отпечатка я смогла разглядеть часть то ли какого-то символа, то ли эмблемы фирмы-изготовителя. Пожалев о том, что нет с собой ни фотоаппарата, ни пресловутого телефона с встроенной камерой, я решила вернуться к месту, где нашла отпечаток, позже вместе с криминалистами, которые, по моим предположениям, должны были выехать на место преступления вместе с оперативной бригадой.

Толстый увалень в мятой форме вывалился из легковушки с опознавательными знаками полиции России и покатился к крыльцу. На ходу он яростно поддергивал брюки, пытаясь удержать их на несуществующей талии. Глядя в окно на это чудо природы, мы с Аделаидой Семеновной переглянулись.

– Да уж, ничего не скажешь, страж порядка эффектен, – невесело проговорила соседка. – Такой часа три промурыжит. А я еще хотела Егора Ивановича провести.

– Возможно, он не так плох, как может показаться на первый взгляд, – с сомнением в голосе произнесла я. – И потом, если прислали всего одного полицейского, да еще, судя по внешности, не самого передового, то высокое начальство явно посчитало это дело не особо важным. Сейчас он выполнит все положенные формальности, увезет труп и уедет.

– Хорошо бы, если бы это было так, – Аделаида Семеновна покачала головой, отошла от окна и призналась: – А то у меня что-то на душе беспокойно. Будто сердце беду чувствует.

– Не накручивайте себя, – строго сказала я. – А то еще и вас откачивать придется.

В этот момент в дом вошел полицейский. Следом за ним ввалилась и Вероника.

– Добрались уже? Быстро вы. А я в окно смотрю, машина полицейская едет. Ну, думаю, к Аделаиде Семеновне пожаловали. Я тесто бросила и сразу сюда. Соседка я. Меня, кстати, Вероника зовут. А вас? – на одном дыхании выпалила она, не замечая, что все, включая полицейского, смотрят на нее осуждающе.

– Добрый день, господин полицейский, – ровным голосом поздоровалась Аделаида Семеновна. – Я хозяйка этой дачи. И это в моей бане обнаружен труп неизвестного мужчины. Быть может, пройдем сразу туда?

– Успеем, – довольно невежливо буркнул полицейский. – Документы имеются? Давайте сюда. Все.

И он окинул нас красноречивым взглядом. Мы снова переглянулись. На этот раз втроем. На лице Вероники читалось недоумение. Я буквально слышала, как она мысленно произносит вопрос: «Это что, мода такая новая на свидетелей бросаться?» Взгляд Аделаиды Семеновны выражал обреченность.

– Ну, что я говорила? Предчувствие – вещь тонкая, – шепнула она мне, проходя в соседнюю комнату за документами.

Полицейский подозрительно взглянул ей вслед, но промолчал. Вероника мялась на пороге. Я не двигалась с места, ожидая, когда же этот мужлан представится.

– Меня кто-то не услышал? Или не понял? Документы! – рявкнул полицейский, поняв, что процесс затягивается.

– Неплохо было бы для начала свои документы предоставить, а уж потом от нас что-то требовать, – наставительно произнесла я.

– Это кто ж у нас здесь такой умный? – с ехидцей в голосе проговорил полицейский. – Сериалов криминальных насмотрелись, или опыт уголовный имеется? Ранее привлекались? Судя по вашей внешности, это и не удивительно.

– Да вы что! Как вы могли такое подумать? Да Татьяна Александровна в жизни в тюрьме не сидела! Она, между прочим, сама из ваших. Она преступников ловит. Детектив она частный. Из Тарасова, – взвилась Вероника.

– Ой, как! Ой, как! А ну, осадите, гражданочка. Не хватало мне тут еще митинги в поддержку всякого сброда разгонять, – прикрикнул полицейский. – Что частный – это понятно. Только вот мне до ваших частностей никакого дела нет. Предъявляем документы.

– Не раньше, чем вы предъявите свои, – спокойно повторила я. – Не хватало еще всякому сброду удостоверение личности в руки давать. Потом доказывай, что ты гражданин России.

– Хамим, значит? Ну, ну. Посмотрим, куда вас ваше хамство заведет. Оскорбление при исполнении. Сопротивление властям. Препятствие проведению следствия. Достаточно или продолжить? – полицейский принялся загибать свои толстенькие пальцы.

Он прямо светился от перспективы показать «этим зажавшимся дачникам», кто здесь хозяин. Я же не собиралась плясать под его дудку, даже если бы мне пришлось проехать в участок, я все равно не стала бы предъявлять ему паспорт до того, как он предъявит свое удостоверение. Мы стояли друг напротив друга. Я в позе Наполеона, решительно скрестив руки на груди. Он, демонстративно засунув большие пальцы за пояс, нагло покачиваясь с носка на пятку. Вероника в данном случае сохраняла нейтралитет.

Положение спасла Аделаида Семеновна. Она вошла в комнату с паспортом в руке, оценила ситуацию и, встав между мной и полицейским, громко произнесла:

– Вот, пожалуйста. Прописка московская. Сами понимаете, в Мячкове я провожу только выходные.

Полицейский еще некоторое время смотрел на меня ехидным взглядом. Потом повернулся к Аделаиде Семеновне, забрал у нее из рук паспорт и начал его изучать. Вероника выдохнула, сделала знак, что собирается выйти, и, дождавшись ответного кивка, проскользнула в дверь.

Полицейский между тем уселся за обеденный стол, вынул из кармана потертый блокнот и начал переписывать данные из паспорта Аделаиды Семеновны. Я отошла к окну, присела на подоконник и уставилась в пол. Аделаида Семеновна ждала, когда полицейский вернет ей документы. Вместо этого он приказал:

– Садитесь. Не стойте над душой.

Аделаида Семеновна придвинула стул и села. Полицейский, казалось, не замечал ее. Пыхтя и отдуваясь, он старательно выводил закорючки на листочке в мелкую клетку. И даже кончик языка от усердия высунул. Ну, форменный первоклассник на уроке чистописания! Только строгой учительницы недостает. Хотя Аделаида Семеновна вполне подошла бы на эту роль. Представив, как она строгим голосом отчитывает нерадивого ученика за помарки в тетради, я не удержалась и прыснула в кулак. Полицейский вскинулся, нахмурил брови и строго произнес:

– Прошу вас э... Аделаида Семеновна, освободите дом от посторонних. Для работы мне нужен полный покой и тишина.

Аделаида Семеновна просительно взглянула на меня. Поняв намек, я двинулась в сторону выхода. Проходя мимо полицейского, я язвительно проговорила:

– На вашем месте, Аделаида Семеновна, я бы не рискнула оставаться наедине с незнакомым человеком. Мало ли кем он может оказаться? Например, маньяки этим летом сильно активизировались. Переоденется такой деятель в полицейскую форму и едет по окрестным дачам, жертву себе подбирать. А вы даже удостоверение у гражданина не спросили.

Полицейский побагровел. Аделаида Семеновна укоризненно покачала головой, я открыла дверь и вышла наружу. Последнее, что я услышала, это слова полицейского:

– Были бы в выборе знакомых поразборчивее, глядишь, не вляпались бы в историю.

«Да, Аделаиде Семеновне достался худший экземпляр из тех, что встречаются в полицейской среде», – подумала я, спускаясь со ступеней крыльца. Вот что теперь делать? Будет ли он допрашивать свидетелей сам или же для этого придет кто-то более компетентный? И где вообще бригада криминалистов? Он что, сам будет место происшествия на предмет отпечатков пальцев и всего подобного проверять? Станный он какой-то. Полчаса назад приехал, а до сих пор труп не осмотрел, место преступления не огородил, да еще и всех свидетелей разогнал. И как быть мне? Говорить про след от ботинка беглеца и про остальные улики или оставить этого напыщенного индюка в неведении на некоторое время? Нет, не стану я делиться с ним информацией. Пусть сам потрудится, поищет улики. А я в сторонке постою, посмотрю, чем дело кончится.

Чтобы не тратить время даром, я решила вернуться на межу, где остался четкий след ботинка, и сделать снимок, пока там все не затоптали какие-нибудь неумные грибки или шумная молодежь. Не спеша я прошла в дом Вероники, взяла телефон, снабженный фотокамерой, и отправилась в лесополосу за домом Аделаиды Семеновны. Мне не хотелось, чтобы полицейский знал о предпринятой мной прогулке, поэтому к пролеску я вышла через Веронкин двор. Так идти до межи было несколько дальше, зато надежнее.

След все еще был на месте. Сделав несколько снимков, я присела на корточки, чтобы рассмотреть рисунок. Из-за того, что обладатель данной подошвы торопился, верхняя часть протектора была смазана, и я никак не могла сообразить, что изображено на рисунке. На армейскую звезду не похоже, слишком широкие лучи. У альпинистов, насколько я знаю, в почете обувь от известных дизайнеров. А те используют специально разработанные рисунки протектора, и, как правило, логотип их компании. Нужно будет пошарить в Интернете, поискать подобный узор. Вдруг да найду совпадение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.